

«Я служил в Чехословакии»: воспоминания советского солдата о себе и эпохе бархатной революции

Наталья Леонидовна Смирнова, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Началом этих воспоминаний послужила встреча, которая произошла в конце сентября 2011 г. в Екатеринбурге в Храме-на-Крови, воздвигнутом на месте убийства последнего русского царя Николая II, его семьи и царских слуг. Этот Храм ежедневно посещают толпы туристов. Сюда со всех сторон земли Российской и из стран зарубежных совершают паломничество верующие, чтобы помолиться перед образом Святых Царственных Страстотерпцев, покаяться в грехах и получить духовное утешение.

Экскурсию по Храму-на-Крови для известных ученых-русистов, гостей Уральского государственного педагогического университета, профессора Прешовского университета Йозефа Сипко, профессора Лозаннского университета Патрика Серии, которых сопровождала я, доцента Уральского государственного педагогического университета, провел Игорь Владимирович Пыжьянов, кандидат в мастера спорта по волейболу, мастер спорта по армреслингу, неоднократный призер чемпионатов России по армреслингу, ныне руководитель Спортивно-патриотического отдела Екатеринбургской епархии. Игорь Пыжьянов рассказал гостям о трагическом для русской истории событии, которое болью отдается во всякой живой душе и во многом определило дальнейшую судьбу России.

Тот разговор у царского колодца всех нас взволновал, потому что не бывает «случайных» встреч. Существовая «здесь и сейчас», в конкретно-историческую эпоху, в имеющем национальные особенности Настоящем, мы одновременно присутствуем в Истории и в Вечности. где разворачивается борьба за нашу душу и осуществляется дело спасения человека для Жизни Вечной.

Уверена, что каждый читатель с пользой для себя прочтет эти воспоминания Игоря Пыжьянова. Кто-то откликнется всем сердцем на тоску нашего собеседника по прошлому – по юности. Историки почерпнут из этих строк фактографический материал, чтобы продолжить споры о «причинах распада СССР». Надеюсь, что западный читатель поймет, как было трудно простому советскому парню, молодому, талантливому, влюбленному в жизнь, свято верившему в то, что он, так называемый «оккупант», защищает добро и служит братьям – дружественной Чехословакии. Однако предоставим слово Игорю Пыжьянову.

Я служил в Чехословакии с 1988 по 1990-й г. в 185-й ракетной бригаде Центральной группы войск. Наша бригада состояла из полутора тысяч человек и размещалась в Турнове. Я был старшим наводчиком ракет «Тополь СС-20».

Служить в наши войска набирали ребят из деревень. Войска стратегические, с нас брали подписку о неразглашении государственной тайны. Расчет руководителей Советской армии был простым: предполагалось, что деревенские ребята, вернувшись домой, после первого стакана забудут, что они видели в далекой Чехословакии. Некому в глуши будет рассказывать об этом, да и не поверит никто.

Я же оказался в этих войсках совсем по другой причине. В военных частях в то время большое внимание уделялось спорту. В нашей бригаде была своя волейбольная команда: комбриг (командир бригады) во время каждого призыва солдат-срочников собирал со всего Советского Союза ребят, которые умели играть волейбол. В течение

службы мы ездили по чешским воинским частям и участвовали в спортивных турнирах, которые должны были способствовать укреплению дружбы между войсками стран Варшавского договора.

Я был КМС (кандидат в мастера спорта) по волейболу, играл профессионально. Признаюсь, соперники казались нам «маменькими сынками». Наши ребята (заметьте, не приглашенные за большие гонорары игроки, а обыкновенные солдаты) играли в волейбол жесткий, настоящий, так что за 2 года службы мы ни разу не проиграли чехословацким соперникам. Я даже получил Грамоту от тогдашнего Министра обороны Валерия Язева.

После игры нас всегда водили в офицерскую столовую и кормили. Я буду часто так говорить: «...и кормили». Вы спросите, голодал ли советский солдат во время службы? Кормили вроде неплохо, но однообразно: перловка с мясом, суп. Но организм был молодой, рос, к тому же испытывал большие физические нагрузки, так что ели мы всегда с жадностью. Чехи смотрели на нас, как на инопланетян. Их поражало, как мы едим хлеб. Приносят булку – съедаем и просим еще. Приносят поднос хлеба – через минуту он пуст. И так снова и снова. Чехи хлеба едят мало. Для нас же это основная еда: сухая каша, которая долго хранится. Кроме того, особое отношение к хлебу у нас воспитывалось с детства. Еще были живы наши бабушки и дедушки, которые пережили голод в Великую Отечественную войну и рассказывали нам, как они ели липкий хлеб, смешанный с опилками. Во всех школьных столовых можно было прочесть такие рифмованные строки:

Хлеб – драгоценность, им не сори.

Хлеба к обеду в меру бери.

Так что, хоть и невкусным был хлеб у чехов, по сравнению с русской буханкой белого, серого или черного, но голод не тётка. Да и вообще традиции питания у нас различны: русскому человеку с хлебом каждое блюдо кажется вкуснее.

Вернусь к началу своей службы в рядах вооруженных сил СССР. Мы летели из Екатеринбурга (тогда Свердловска). Полет продолжался 4 часа. А когда вышли из самолета, то увидели березки и даже засомневались в том, что мы за границей. На часах по-прежнему двенадцать (4 часа разница во времени – 4 часа в пути). Вокруг родной пейзаж. Может быть, нас обманули? Подняли в воздух, покружили над городом и все?

Было очень приятно почувствовать себя в далекой стране как дома. И еще было очень странно на другом конце земли видеть родные славянские лица. А изобилие в магазинах просто поражало воображение. В те годы в СССР прилавки уже были пустыми.

Я всегда считал, что мужчина должен служить в армии. И убежден в этом сейчас. В армии формируется характер, потому что человек ограничен в своих действиях, ограничен в общении, он должен подчиняться приказам и уметь строить отношения с окружающими. А в мужском обществе всякое случается. Армейскую школу каждому мужчине стоит пройти. Могу сказать, что мне очень нравилось в армии, тем не менее, всем нам хотелось вырваться на свободу. И такая возможность даже в армии была.

Периодически нас приглашали на работу к чехам. Такой чести удостоивались избранные. Работа была тяжелая: мы должны были очищать поля от камней, которые ежегодно выходили на поверхность земли. Впереди неспешно шел трактор, а за ним пятеро солдат, которые должны были поднимать камни и закидывать их в кузов. Батрачить на чехов нас отправляли под благовидным предлогом: считалось, что мы зарабатываем на автобус, на котором потом нас будут возить на экскурсии.

И вот однажды мы увидели, что навстречу нам по полю за своим трактором идут гражданские ребята. Когда мы с ними поравнялись, то поняли, что это были

олигофрены. Помню, как меня оскорбило, что я, советский солдат, выполняю ту же самую работу, к которой в Чехословакии привлекают психически и умственно неполноценных людей. Это был мощный удар по самолюбию.

Но мы были молодыми, и желание вырваться за пределы воинской части, да еще и за границей, оказалось сильнее гордыни, поэтому вновь и вновь мы соглашались на тяжелую работу в местном колхозе-совхозе.

После работы нас всегда кормили. Желание поесть чего-нибудь необычного, отличного от традиционного солдатского пайка, было дополнительным стимулом к работе на полях. Надо сказать, что в колхозе к нам очень ласково все относились, с душой. Кормили на убой и давали покататься на тракторе. Представляете себе: советский солдат за границей на тракторе по деревне... А вокруг девушки... Эх, первый парень на деревне, как говорят русские...

Вспоминаю, что около всех чешских деревень стояли пивзаводы. И солдаты день-через день ходили эти заводы грабить. Там никогда не было никакой охраны. Перелазил через забор - вдалеке собака лает - берешь столько пива, сколько можешь утащить... В самом деле, в каждой деревне пивзавод - и никто пьяным никогда не валялся.

Турнов – необыкновенно красивый город: столица национального заповедника Чешский рай, с великолепными замками, дворцами, а также превосходной сельской архитектурой. В городе действовал закон: выше 3-го этажа не строить. Когда я приехал туда, то ужаснулся. В центре города возвышалась панельная 16-этажка! На балконах лыжи, трусы, санки - все это висит и сушится на ветру. А где-то далеко внизу, у подножия серой панельной 16-этажки, исторический центр.

Под «панэлакой» располагался штаб, и ходила среди солдат легенда, что в случае атомного взрыва 16-этажка накроет штаб и получится саркофаг, в котором все офицеры спрячутся и спасутся. Мы же жили в благодатном месте – в бывшем женском монастыре. В каждой келии размещалось по 14 солдат.

Но «бархатная революция» была уже в разгаре. Однажды мы готовились к выезду на охраняемые объекты, в руках у нас были заряженные автоматы. Уже темнело. Вдруг слышим звук оркестра. Ворота части открылись, и к нам, в закрытую зону, вошли какие-то люди. В руках у них были свирели, фонарики на веревочках с горящими свечками внутри. Этот оркестр нежно сыграл нам какую-то советскую мелодию. Наш духовой тут же грянул в ответ. Так - вежливо, с любовью - чехи выразили нам свое отношение: идите, мол, ребята, домой, это наша страна, наш город.

Потом действия стали более агрессивными. Над забором стали появляться плакаты: «Иван, иди домой». Честно говоря, мне очень нравились эти плакаты: близился дембель (демобилизация).

И вот настало 9 мая 1990 г. У нас была традиция возлагать венки к памятнику Неизвестному солдату, освободившему Турнов. Вдруг в нашу воинскую часть приходит письмо, в котором нам предлагается воздержаться от традиционного ритуала возложения цветов, потому что это небезопасно.

Здесь я хочу добавить вот что хочу сказать. Те, кто погиб в войне с фашизмом, шли в бой не за коммунистическую идею. Советские солдаты времен Великой Отечественной еще не были атеистами в массе своей: их родители были верующими, многие из них до революции сами учились в приходских школах, знали «Отче наш». Они шли в бой по любви – к старикам, к матерям и сестрам, к своим детям, к родной земле. В Евангелии от Иоанна сказано: "Больше любви никто не имеет, чем тот, кто душу свою полагает за други своя". Именно такие люди войну выиграли: они шли в бой и, умирая, входили в Царство Небесное.

Итак, комбриг построил нас на плацу и сообщил о письме. Решение было единогласным: вооружить дневальных, которые обычно оставались в части, и всей бригадой в тысячу человек выступить к памятнику Неизвестному солдату.

Мы шли строевым шагом под звуки духового оркестра. У каждого автомат был заряжен боевыми патронами. Готовились отразить любой натиск. А чехи дарили нам цветы. Никогда не забуду лицо той женщины, что подбежала ко мне и сунула в руки букет. В этот момент я был невероятно горд: чувствовал себя наследником героизма своих дедов и прадедов, всех тех советских людей, что отдали свои жизни на фронтах Великой Отечественной войны и пролили кровь на чехословацкой земле. ???как будто повторился май 45-го

Провокации, конечно, были: один мотоциклист заехал на гору щебня и стал газовать так, чтобы в сторону нашей бригады щебень летел. Когда же вся бригада к нему по команде развернулась, он упылил в неизвестном направлении.

Наш оркестр пытались заглушить. В окна одного из домов выставили колонки и включили тяжелый рок. Проходя мимо, наш оркестр по команде развернулся и так дунул в трубы, что капиталистический хэви-металл потонул в звуках военных песен. Это был наш ответ провокаторам. Так что венки мы благополучно возложили и вернулись в часть.

Много позже я начал понимать чувства тех людей, для которых мы были захватчиками...

Когда вышел приказ о выводе войск, началась большая подготовительная работа. Выводить войска можно было только ночью, чтобы спутниковая система не могла зафиксировать расположение ракет, хотя уже все понимали, что наше местонахождение прекрасно известно.

Ночью мы выезжали и для тренировок: разворачивали ракеты, наводили на предполагаемую цель. Однажды все эти манипуляции мы проделали тоже ночью, но не на полигоне, как обычно, а в центре Турнова. Это было очень страшно. Громадные машины на четырех осях (МАЗ-345). Вокруг люди в противогазах. Ракеты возведены, специальная подсветка работает. Мы-то знали, что в ракетах нет ядерной боеголовки, но людям это было неизвестно. Какая началась паника! Люди высовывались из окон, выбегали на улицы. Не знаю, зачем все это было проделано, скорее всего, для устрашения. Но сразу после этой акции начался вывод советских войск с территории Чехословакии.

По условиям договора мы забирали с собой абсолютно все, даже бетонную дорогу. Помню, как мы этот бетон снимали. И каким-то непонятным раствором засыпали все масляные пятна, чтобы нельзя было определить состав топлива для наших машин. Самым трудным делом было закапывать компаньеры. Компаньерами назывались земляные ямы размером 35 м*6 м *2 м, в которых стояли ракетоносцы МАЗы. Не скажу, сколько было этих МАЗов: у меня подписка о неразглашении (*смеется*), но, если учесть, что в каждой боеголовке содержалось двести Хиросим, много таких ракет было не нужно. Так вот нам пришлось вручную закопать все эти компаньеры, в которых стояли МАЗы.

В стране, официально отказавшейся от Бога, в которой государственной религией был атеизм, нарушение восьмой Заповеди «Не укради» не только не считалось грехом, но и было поводом для гордости и бахвальства: кто больше вынесет... «Несуны» были всюду: с заводов выносили запчасти, из больниц - лекарства, из магазинов, столовых и ресторанов - продукты, из бухгалтерии - бумагу, калькуляторы и канцелярские принадлежности и т.д и т.п.

Армия - часть общества. Солдаты воровали в части бензин, а чехи с удовольствием покупали его у нас за полцены. А еще покупали советские червонцы,

радио с электронным будильником, механические часы. Все это мы специально привозили с собой из отпуска. Воспитанные в стране без Бога, особой доблестью мы считали хвастовство в каком-нибудь грехе. Кто больше выпьет или украдет....

Абсурдно звучит, но в Чехословакии мы воровали книги на русском языке. В чешских книжных магазинах было изобилие, а в СССР выстраивалась очередь за книгами не только в магазинах, но и в библиотеках. Мы посылали молодых солдат в книжный – а потом вся бригада, например, украденного Булгакова читала (тогда только появился роман «Мастер и Маргарита»).

Воровали одежду. Приходишь в магазин, заходишь в примерочную с 3-4 костюмами в руках. На костюм сверху надеваешь солдатскую форму, прячешь вешалку – и уходишь. Никто никогда нас не проверял и ничего не искал.

Офицерам за границей было выгодно служить, потому что они получали двойную зарплату – в Чехословакии наличными и в СССР на сберкнижку. Но очень скоро эта сказка кончилась.

27 мая 1990 года исполнилось ровно 2 года моей службы. В армии было принято завершать службу «дембельским аккордом» - так назывался тяжелый труд, который ты должен организовать при участии молодых солдат: построить забор, отштукатурить какой-нибудь кабинет, поменять полы в казармах, сделать бетонную дорогу по части - и после этого тебя увольняют.

Комбриг собрал нас на плацу и сказал следующее: «Дорогие друзья, демократия победила! Нас выводят из Чехословакии. И переезжаем мы в славный город-герой Небид-даг. Это и будет ваш «дембельский аккорд».

Всей частью мы искали этот город на карте Советского Союза и под вечер нашли его в Туркменской пустыне. Со всем своим военным скарбом мы ехали из Чехословакии в Туркменскую ССР в поезде 27 дней. По 2-3 дня стояли на запасных путях. 1990-й год. Жара... Все только начиналось...

Я демобилизовался. Но тем солдатам и офицерам, которые остались в Туркмении, было несладко. Солдаты-туркмены, оказавшись на своей территории, начали бить русских солдат и офицеров, доходило до убийств.

Я возвращался домой в Екатеринбург через Красноводск, из которого шел паром до Баку. А в Баку в это время шла война. На наше счастье, нам встретилась одна женщина, которая предупредила о том, что нужно снять военную советскую форму, иначе на пароме нас убьют и трупы выбросят в море, искать никого и никто не станет.

Так начиналась новая эпоха. В одночасье и на долгие десятилетия изменилось отношение к военным: они оказались никому не нужны. Раньше существовала такая традиция: дембель возвращался домой в форме, сама форма украшалась и была предметом гордости, как и служба в армии. Форму хранили всю жизнь, надевали по праздникам. А теперь избавиться от формы советского солдата значило спасти свою жизнь. На пароме мы встретили одного порезанного, в крови, солдата, который возвращался домой в Россию в форме.

Так закончилась моя служба воина-интернационалиста. Началась новая эпоха в жизни теперь уже Чехии и Словакии. Вскоре перестанет существовать государство, в котором я родился и вырос.